

В. БОГОМОЛОВ

КРАСНЫЙ ДУНДИЧ

В. Богомолов
КРАСНЫЙ ДУНДИЧ

В. БОГОМОЛОВ

**КРАСНЫЙ
ДУНДИЧ**

Рассказы

**ПЕТРОЗАВОДСК
«КАРЕЛИЯ»
1988**

**P2
Б74**

Художник О. К. Пархаев

Б $\frac{4803010102-119}{M127(03)-88}$ 64-88

ISBN 5—7545—0064—5

© «Карелия», 1988, иллюстрации.

ПЕРВОЕ СЛОВО

Октябрьское солнце ласково светило в окна небольшой хуторской школы. Дети, слушая рассказ учительницы, то и дело поглядывали на улицу. А там то всадник проскачет, то телега проскрипит, то прохожие громко заговорят. Надоело учительнице замечания делать, подошла она к окну, хотела его закрыть да остановилась.

На гнедом жеребце к школе подъехал всадник. Был он в белой папахе, с красной звездочкой, в ладно пригнанном френче нерусского покроя, в малиновых галифе. Лицо у всадника немножко вытянутое, худощавое. Под темными бровями ясные карие глаза, а под маленькими светлыми усами притаилась теплая улыбка. Увидел он молодую учительницу и радостно заулыбался: будто встретил давнего друга. Подъехал к самому окну, взялся рукой за раму, заглянул в класс и говорит с сильным акцентом:

— Я не буду мешать. Я буду тихо-тихо стоять...

Все ребята бросились к окнам. А учительница, вместо того чтобы усадить их на место, вдруг сказала:

— Заходите к нам в класс.— Учительница знала, что в хутор пришел полк красноармейцев на отдых, и попросила всадника:— Расскажите ребятам, что там на фронте?

Но всадник смутился и объяснил, что он серб и говорит по-русски очень плохо.

В это время прозвенел звонок, и дети, собрав книжки и тетрадки в самодельные холщовые сумки, побежали на улицу. Учительница подошла к столу, уложила в портфель учебники, журнал, кусочек мела и направилась к выходу. У крыльца ее ждал незнакомый кавалерист. Он уже спешил и поправлял на себе новую портупею. Встретив учительницу, он извинился, что помешал ей закончить урок.

— Я тоже учитель и долго-долго не был в школе,— задумчиво сказал он, потом, веселее уже, добавил:— Я слышал, дети зовут вас Мария Алексеевна. Но вы просто Маруся: вам мало-мало лет.

Мария Алексеевна сказала, что она не учительница, она должна ходить в последний класс гимназии. Но гимназию закрыли, а ее попросили вести уроки в приходской школе вместо убежавшего с кадетами учителя. И еще она добавила, что сама никак не может привыкнуть, что ее называют по имени-отчеству. Потом она спросила, как зовут ее нового знакомого.

— Мои товарищи, сербы, называют Алекса Дундич, а русские говорят Олеко, но по документам я Иван Антонович.

Так его перекрестил писарь в Одессе, когда Дундич привел свой отряд в Красную гвардию. Писарь сказал ему и товарищам, что раз они решили сражаться за русскую революцию, то должны хотя бы называться по-русски. Да и для конспирации так удобнее: сербские генералы знают Алексу Дундича, а за красных воюет Иван.

Возле своего дома Мария хотела попрощаться с Дундичем, но он сказал, что как раз здесь находится штаб полка, в который его назначили заместителем командира, и он тоже идет сюда.

Вечером за чаем Дундич рассказал Марии, как он бежал из германского плена, перешел к русским, как в лагере под Одессой учил русский язык, после революции не захотел ехать в Сербию, где все еще есть король и помещики, а решил воевать за Советскую власть в России.

— А когда мы у вас разобьем всех врагов, тогда Красная Армия пойдет в другие страны и там сделает революцию,— сказал уверенно молодой серб.

Сидевший тут же командир полка Стрепухов удивился наивности Дундича и разъяснил, что революцию в каждой стране будут делать сами рабочие и крестьяне той страны. А победа

пролетарской революции в России и есть помощь трудящимся всех стран.

— А я думал, что будем мы вместе поить коней из нашего Дуная, из Эльбы, из Сены, дойдем до самой Адриатики...

— Если вам понадобится наша военная помощь, Красная Армия придет, но мы придем не для того, чтобы делать у вас революцию,— ответил Стрепухов, доставая из полевой сумки книжку.— На, почитай. Тут товарищ Ленин про все говорит: и про мировую революцию, и про интернациональную дружбу пролетариев всех стран.

— Ленин,— сказал Дундич, бережно принимая брошюру.— Я много-много слышал. И в Одессе, и в Житомире, и на Донбассе.

И тут же он признался, что ни читать, ни писать по-русски не умеет. Потом он полистал книжку и пообещал Стрепухову:

— Но я научусь. Буду сам читать Ленина.

Взяв у Марии азбуку и букварь, он до глубокой ночи сидел в кухне. А утром вместе с ребятами зашел в класс, сел за последнюю парту и, не отвечая на шутки малышей, разложил тоненькую тетрадь. Когда Мария Алексеевна вошла в класс, ученики сказали, что у них новенький, и показали на Дундича. Учительница улыбнулась и сказала, что она договорилась с командиром полка по вечерам учить всех неграмотных красноармейцев русскому языку. А если товарищ Дундич пришел с утра, пусть сидит.

Мария Алексеевна рассказала детям о приближающейся годовщине Октябрьской революции, о том, как в столице Петрограде восставшие захватили Зимний Дворец, собрали свой съезд и провозгласили по всей России власть Советов, а затем приняли декреты — законы о мире и о земле. И подписал эти декреты первый Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин. А потом учительница попросила ребят написать это имя на доске.

Дети зашушукались, задвигались и почему-то посмотрели на Дундича. Олеко, подбадриваемый их взглядами, подошел к доске, взял мел и четко написал по-русски: ЛЕНИН.

КРАСНЫЙ ДЬЯВОЛ

В просторной горнице за большим столом сидело несколько конармейцев. Они с аппетитом съели наваристые щи и теперь ожидали чай. Медный пузатый самовар стоял возле печки и гудел своей черной, прокопченной трубой.

— Дундич едет,— сообщил кавалерист, который сидел возле окна и смотрел на улицу.

Бойцы и командиры подтянулись, оправили гимнастерки. Они знали, что Дундич не любит неряшливых. Красноармейцы начали тесниться на лавках: каждому хотелось, чтобы Дундич сел рядом с ним.

— Говорят, он из офицеров,— сказал один из бойцов.

— А вместе с нами за Советскую власть дерется,— поддержал разговор другой.

— Да еще как,— с восторгом отозвался третий.— В бою смел и силен, как лев.

В это время в дверях показался Дундич. Он был чуть выше среднего роста, стройный. На его загорелом лице выделялись большие карие глаза. Энергичным движением он снял с головы белую каракулеву папаху с красным верхом и повесил ее на свободный гвоздь. Потом так же быстро пригладил негустую шевелюру и подошел к столу.

Своим костюмом Дундич выделялся среди бойцов и командиров. Его френч и галифе, сшитые из малинового английского сукна, были всегда чистыми, отутюженными, сапоги — начищены до блеска. Из-под воротника офицерского френча выглядывал меловой белизны подворотничок. Как бы тяжело ни приходилось в боевой жизни, Дундич всегда был аккуратен и подтянут.

И за это, и за безудержную храбрость в бою кавалеристы души не чаяли в своем командире. В разговорах между собой они часто называли его «наш Дундич», «красный Дундич». А бе-

логвардейцы ненавидели и боялись его хуже смерти. Они называли Дундича не иначе, как «красный дьявол».

— Садитесь ужинать, товарищ командир,— пригласили Дундича конармейцы.

Во время чая за столом зашел разговор о том, кто из каких мест пришел в красную кавалерию.

— А вы откуда, товарищ Дундич?— спросили они своего командира.

Дундич отодвинул от себя порожнюю кружку, подпер подбородок рукой и через головы сидящих посмотрел в окно.

— Другови мои,— медленно заговорил он, старательно подбирая русские слова.— Есть среди Балканских гор маленькая страна Сербия... И протекает там горная речка Нишва, с чистой, как в Дону, водой и чудесной форелью. По весне речка бурная, неукротимая. Вот на берегу этой Нишвы в маленьком городке я и вырос. Когда мы разобьем белую сволочь здесь, у вас, я поеду к себе на родину. У нас пока есть король Петр, помещики и буржуи, но они не нужны нам. Мы прогоним их, как и вы.

В комнату вошел связной и вручил командиру пакет. Дундич вскрыл его и прочитал.

— Хорошее письмо,— широко улыбнулся он,— на рассвете пойдем беляков бить. Передай товарищу Буденному: приказ будет выполнен,— сказал он связному.

Приказ был таков: выбить белых из села Орловки.

Солнце еще скрывалось за косогором, когда полк Дундича начал наступление на село. Построившись колоннами, кавалеристы пустили коней легкой рысью. Впереди эскадрона на гнедом жеребце Мишке ехал Дундич. Когда до села осталось не больше версты, конармейцы приготовились к атаке, обнажили шашки. Дундич пришпорил своего Мишку. Лошадь прижала уши и галопом поскакала к Орловке. За командиром рванулись другие конники, но не было в полку такой лошади, которой удалось бы догнать гнедого.

От села, сверкая саблями и оглашая степь криками, отделились эскадроны белоказаков. Наперерез Дундичу скакал офицер в сопровождении четырех казаков.

Дундич на скаку перебросил саблю в левую руку, а в правую взял наган. Он превосходно сражался обеими руками, но в сабельных атаках отдавал предпочтение левой. Подлетев к белогвардейцам, он выстрелил в одного из них. Тот повис на стремях. Но другие не думали убегать. Они хотели оттеснить Дундича к балке, подальше от красных эскадронов. Однако Дундич не отступал. Он сам напирал на белогвардейцев, заставляя то одного, то другого прятаться за конские шеи.

Вокруг них уже слышался топот скачущих эскадронов красных. Мощное «ура!» катилось по степи. Это придало Дундичу новые силы. Ударом с плеча он выбил из рук противника саблю. И, когда тот наклонился за ней, молниеносно нанес ему удар. Один белоказак сделал сильный выпад, но Олеко уклонился, и сабля уперлась в грудь другого белоказака. Офицер повернул лошадь к своим эскадронам и стал звать кавалеристов на помощь. Но было уже поздно: красные теснили белоказачьих к селу.

Когда взяли Орловку, белоказачий офицер сказал на допросе: — Мы еще издали угадали красного дьявола и хотели взять его живым. За него господин Мамонтов тысячу рублей золотом обещал.

МИШКА

В одном хуторе враги устроили засаду. В нее попала разведка красных. Узнав об этом, Дундич, не раздумывая, поскакал на выручку своих товарищей. У красноармейца, сообщившего ему об этом, он спросил только об одном: где они? Дундич вообще никогда не спрашивал, сколько врагов впереди, а только хотел знать, где они. За ним поскакали еще несколько всадников.

Разведчики, попавшие в засаду, со всех сторон были окружены белыми. Они уже и не надеялись уйти отсюда живыми. И вдруг услышали сзади громкое «Даешь!». Дундич с бойцами ворвался в самую гущу кадетов.

Узнав в лихом всаднике красного дьявола, белые и на этот раз решили взять его живым в плен. Несколько всадников начали оттеснять его от остальных. Лошади белых одна за другой выносили с поля боя сраженных седоков. Как всегда, Дундич действовал саблей и наганом. Он решил как можно больше врагов отвлечь на себя и дать возможность своим бойцам вырваться из кольца. Дундич был уверен, что быстроногий Мишка вынесет его из любой беды. Увлечшись схваткой, он не заметил, как красноармейцы начали выходить из хутора. Только услышав громкие, отчаянные крики: «Дундич, сюда! Дундич, к нам!», он понял, что отряд вырвался из кольца. Командир дал шпоры коню и вихрем помчался догонять своих.

Поскакавшие за ним белые очень скоро убедились, что гнедого им не догнать.

— Стреляйте в лошадь! — приказал офицер. За спиной Дундича часто захлопали винтовочные выстрелы. Олеко распластался на коне: своим телом хотел прикрыть верного друга. Но перед самой дорогой Мишка упал на передние ноги, перебросив через себя хозяина. Быстро поднявшись, Дундич увидел в руке обломок сабли. Он швырнул эфес в прошлогодний бурьян, подскочил к коню, начал тормошить его, просил встать, но конь не двигался. А когда он в последний раз с шумом вздохнул, Дундич застонал...

Из хутора к нему скакали и бежали белые, а из степи — свои. Стреляя из карабинов по врагам, буденовцы подъехали к сво-

ему командиру. Один боец пересел на лошадь к товарищу и отдал Дундичу своего коня. Дундич вскочил в седло.

— Товарищ командир, наши скачут! — радостно воскликнул боец и указал в сторону балки, из которой выкатывалась лавина красных конников. Преследовавшие Дундича белоказаки повернули обратно. Красные на галопе врывались в хутор.

Впереди полка, рядом со знаменосцем и трубачом, скакал Дундич. Нагнав в тесном переулке белоказака, Дундич приказал ему бросить шашку. Белоказак кинул свою шашку в придорожную лебеду. И пока красный разведчик нагибался за оружием, казак дал шпоры своему коню, и тот, перепрыгнув через плетень, унес его в леваду, поросшую терновником и боярышником.

Дундич поднял шашку, взмахнул ею, рассекая со свистом воздух, и крикнул удиравшему врагу вслед:

— Спасибо за клинок! Но еще раз не попадайся.

После боя Дундич подъехал к своему Мишке. Опустился перед ним на колени, нежно провел ладонью по холодной лошадиной морде и тихо сказал:

— Прощай, друже.

ПОДАРОК ВЦИК

Скоро у Дундича появился новый верховой конь. Он был рыжий, с белой полосой на лбу. Рысак не уступал Мишке ни в красоте, ни в беге. А вот сабли после того случая в засаде у Олеко не было.

— Ничего, товарищ Дундич, скоро я тебе еще лучшую саблю подарю,— сказал ему однажды вечером Семен Михайлович Буденный, приглаживая черный волнистый чуб крепкой ладонью.— Ее сейчас в Москве для тебя готовят.

Дундич верил комдиву и терпеливо ждал подарка из Москвы. И через несколько недель получил его. А было это так.

Лунной майской ночью красная конница сбила передовые части белоказаков и ворвалась в станицу Аксайскую. Это было такой неожиданностью для белых, что они бросили не только оружие, но даже мундиры, и убегали в чем спали. Дундич выскочил на одну из улиц и встретил командира эскадрона Михаила Левшина. С виду этот казак был неказистый — маленький, щуплый. Но храбрости его мог позавидовать любой боец. Дундич любил его за это и брал с собой на самые трудные задания.

— Товарищ Дундич,— кричит Левшин,— вон у них батарея,— и показывает на лесок. Олеко глянул в ту сторону и увидел вражеские пушки и суетящихся возле них белоказаков.

— Левшин, за мной!— крикнул Дундич и повернул коня к батарее. За ними поскакали бойцы. С криком «ура!» они ворвались на батарею... Только успели обезоружить прислугу, подъезжает Буденный, спрашивает:

— Пушки исправные?

— Не знаю,— отвечает Дундич.

— Кто знаком с пушками? — спрашивает Семен Михайлович своих бойцов. Оказалось — никто.

— А вот они,— показал Дундич на пленных.

— Сможешь их заставить бить по своим?

— Смогу.

— Ну, действуй. А после зайдешь в штаб. За мной, товарищи!

Они ускакали, а Дундич начал стыдить солдат, что воюют они за буржуев, и для большей убедительности трясет перед их лицами наганом. Солдаты говорят:

— Мы не добровольцы, нас мобилизовали...

— А раз так,— приказывает им Дундич,— разверните пушки да вдогонку кадетам дайте хорошенько...

Так пленные и поступили...

После боя Дундич пришел в штаб. А там уже сидят Буденный, несколько бойцов и командиров. Все говорят о минувшем сражении и о том, как Дундич заставил кадетов бить из пушек по кадетам... Буденный смотрит на Дундича и, хитро щуря темные глаза, расправляет свои пушистые длинные усы. Когда собрались все, Семен Михайлович встал и торжественно сказал:

— Сегодня Революционный военный совет Республики награждает лучших кавалеристов.

Он достал из-под лежащей бурки саблю с серебряным эфесом, подошел к Дундичу и сказал:

— За твою верность Красной Армии и за твою храбрость наш ВЦИК дарит тебе эту саблю, герой. Держи, товарищ Дундич.

Буденный обнял и поцеловал смутившегося Олеко.

ТАЙНА КОМДИВА

На рассвете дивизия ворвалась в станицу Великокняжескую. Удар красных был таким неожиданным, что белоказаки не успели не только организовать отпор, но даже отступить. Одни целыми эскадронами сдавались в плен, другие без оглядки бежали в степь, и лишь кое-где офицеры, не успевшие удрать со штабом генерала Мамонтова, пытались наладить оборону, вырваться из окружения.

Подъехав к станционной водокачке, Дундич и его ординарец Иван Шпитальный заметили в сером мартовском тумане группу всадников. Не успел Дундич спросить, из какой они части, как раздалось несколько выстрелов. Ординарец пригнулся к гриве своего коня, а когда поднял голову, увидел, что Дундич безжизненно повис на стремях. Что было сил Шпитальный закричал:

— Дундича убили!

И сейчас же со всех сторон к водокачке примчались кавалеристы и погнались за всадниками.

Шпитальный поднял Дундича. Левое плечо шинели было темным от крови. Ординарец приложил ухо к груди командира. Сердце глухо стучало. Дундич был жив!

Когда он начал расстегивать ворот френча, в левом кармане раздался легкий звон. Иван потянул цепочку и вытащил разбитые часы. Шпитальный знал, как дорожил этими часами его командир. При каждом удобном случае он говорил Ивану, что часы подарок отца, они единственная вещь, которая осталась у него в память о доме, о родной Сербии.

И вот теперь часы спасли жизнь Дундичу, но сами погибли. Не мог смириться с этим ординарец. Как только Дундич открыл глаза, Шпитальный передал его санитарам, а сам поскакал на привокзальную площадь. Туда сводили всех пленных.

Спешился Иван и пошел вдоль рядов испуганных кадетов. Но среди пленных не было офицеров. Он спросил одного бойца:

— Неужели все офицеры удрали?

— Нет,— ответил тот.— Им Семен Михайлович в вокзале допрос учиняет.

Вбежал Шпитальный в вокзал, а там золотопогонных офицеров набито как сельдей в бочке. Подходит Иван к одному и приказывает:

— А ну, контра, доставай часы.

Услышал его приказ конвоир и предупредил Шпитального, что ограбление пленных — это мародерство и таких бойцов Буденный сурово наказывает. Но ординарец показал конвоиру разбитые часы Дундича и рассказал, что задумал он принести своему командиру в лазарет точно такие же. Уж если не точно такие же, то хоть похожие. Но чтоб непременно золотые и с мелодичным красивым звоном.

Как узнали конвоиры эту историю, так сами начали требовать у всех офицеров часы. Белые злятся, ворчат, называют красноармейцев грабителями. А те, знай, требуют: доставай часы! Если им показывают металлические или даже серебряные, они на них и не смотрят. Почти всех обыскали. Ни у кого нет золотых часов. От досады Шпитальный чуть не плачет.

В это время, наверное, кто-то из пленных пожаловался Буденному на самовольный обыск. Вышел комдив из кабинета начальника станции, где он вел допрос. Лицо у него сердитое, усы вверх-вниз шевелятся.

— Это как же вы до жизни такой докатились? — спрашивает Семен Михайлович у Шпитального. А потом начал его ругать. Стоит ординарец, смотрит прямо в глаза командира, но молчит. Знает характер Буденного: пусть он погорячится, покричит, а потом ему все можно объяснить. И когда комдив спросил, почему Шпитальный очутился здесь и где Дундич, Иван молча протянул Семену Михайловичу разбитые часы своего командира. Буденный сразу узнал их, и лицо его изменилось, опечалилось, понял, что с Дундичем случилась беда. Забыл он про самовольство бойцов и печально спрашивает:

— Как же ты, Иван, не уберег Дундича?

Тут Шпитальный все объяснил комдиву. А тот расправил усы, улыбается и журит Ивана, что стоял молча и сразу не разъяснил, что к чему. Подозвал Семен Михайлович своего ординарца и приказал ему взять несколько бойцов, обыскать всю станицу, выменять, купить, но без золотых часов не возвращаться.

— И еще,— сказал Семен Михайлович, взглянув на сплюснутую крышку часов,— разыщите гравера и доставьте ко мне.

Оказывается, на крышке была надпись на нерусском языке.

После долгих поисков принесли Буденному золотые часы такой же самой марки. Открыл крышку комдив, а в них будто серебряные колокольчики звенят. В довольной улыбке расплылось скуластое лицо Семена Михайловича. Приказал он граверу сделать на верхней крышке точно такую же надпись, какая была на часах Дундича.

Только глубокой ночью пришел Шпитальный в лазарет. Спросил у врача: долго ли пролежит Дундич в госпитале?

— Думаю, что недолго,— ответил врач.— Рана у него пушковая. Пуля сначала ударилась обо что-то твердое, а потом рикошетом попала в плечо, а сейчас он крепко спит.

— Еще бы,— подтвердил облегченно ординарец.— Двое суток с седла не сходил.

Шпитальный увидел на спинке стула френч командира с маленькой дыркой на левом кармане. Он передал его санитару, а сам принес новый. Переложил в карманы документы, письма, фотокарточки, закрепил в петле кольцо цепочки и опустил часы. Потом расстелил возле кровати черную бурку и лег. Засыпая, улыбнулся. Вспомнил наказ Буденного:

— Спрячь, Иван,— попросил комдив, передавая разбитые часы ординарцу.— Вернешь после победы. А пока пусть Дундич не знает о нашей тайне.

Но Дундич так и не узнал об этой тайне. По крайней мере он никогда ничего не говорил Шпитальному о подмене. Иван замечал раза два, как его командир, открывая крышку часов, очень внимательно перечитывал надпись и подозрительно щурил большие карие глаза.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ УХА

Служил в отряде Дундича казак Яков Паршин. Был он человеком рассудительным, бережливым и мастеровым. В передышках между боями брал в руки шило, дратву и открывал сапожную мастерскую. При случае умел не хуже повара приготовить солдатский обед. А кроме всего прочего, берег гардероб Дундича, в котором было немало разных белогвардейских мундиров, погонов штаб- и обер-офицеров, орденов и медалей разных держав: русских, немецких, французских. После каждого боя гардероб этот пополнялся и обновлялся заботливым Паршиным. Надо сказать, что и в бою он не отставал от своего командира.

Однажды Яков Николаевич проявил такую находчивость, о которой долго вспоминали буденовцы.

Было это летом 1919 года. Белогвардейские части генералов Врангеля и Улагая шли на Царицын. С тяжелыми боями отступала Красная Армия. По заданию командования, конный корпус Буденного сдерживал натиск белых. Ни днем ни ночью не знали красные конники передышки. В бригадах кончились боеприпасы и продовольствие, в походных лазаретах скопилось много раненых и больных, а тут еще в каждой станице, в каждом хуторе красных подстерегали враги. Чтобы меньше терять бойцов, Буденный приказал днем уходить в балки, а ночью внезапно нападать на врага и отходить к Царицыну.

Как-то утром приходит Дундич в свой полк от комдива Городовикова и говорит, что в дивизии совсем кончается продовольствие и нужно разведать в ближайших станицах и хуторах наличие у богатых казаков хлеба и фуража.

Для этой операции отобрал Дундич с десятков бойцов. Скрытно подошел отряд к степной речке Аксай — притоку Дона. Только зашли в камыши, начали наблюдать, что делается в станице, как увидели скачущих к реке белоказачков.

Подъехали они к берегу, спешились, а двое — швырнули гранаты в сторону зарослей камыша. Раздались глухие взрывы, высокие столбы воды поднялись над рекой.

Дундич решил, что белые обнаружили его отряд, и уже поднял наган, чтобы ответить врагу, но в это время сильная рука Паршина отвела его в сторону.

— Не торопись, командир. Видишь, кадеты решили ухой нас угостить.

Не понял Дундич: смеется над ним боец или серьезно говорит, но стрелять не стал. Посмотрел на воду, а там плывет вверх брюхом оглушенная рыба. Казаки разделись, залезли в воду, фыркают, балагурят насчет генеральской ухи и собирают в мешки рыбу, которая покрупнее да пожирнее. А мелочь плывет безжизненно вниз по течению к мосту.

— Ах, поганцы,— ругается Паршин,— какой частичк бракуют.

— Не горюй, Яша,— успокаивает его командир.— Сейчас заставим всю выбрать.

Стал он приказывать своим бойцам скрытно продвигаться к мосту, а оттуда неожиданно ударить по рыбакам, а Паршин снова его просит:

— Не торопись, командир. У них там и на эскадрон не хватит. Пусть еще порыбалют.

— Вдруг уедут?— сомневается Дундич.

— Не уедут,— уверяет его Паршин.— Вон только подвода за уловом идет да приемщик едет.

Высыпали казаки рыбу в повозку, радуются удаче, просят у подъехавшего есаула по чарке самогона, а есаул перебрал рыбу и начал бранить казаков за нищенский улов и за то, что не поймали они ни одной благородной рыбы. Приказал он казакам сделать еще один заход и непременно изловить красную рыбу — стерлядку.

Услышал этот приказ Паршин, подмигивает радостно своему командиру, а когда увидел, что из станицы выехали еще две подводы — одна походная кухня, а вторая бричка, доверху чем-то груженная, Паршин аж руки от удовольствия потер.

Между тем казаки бросили еще две гранаты, снова полезли в воду. Теперь уже молча собирали они свою добычу. И снова стерлядки, как назло, ни одной не попало.

Тут уже все красные бойцы радостно заулыбались, поняли: придется белым еще заход делать. А то что же за генеральская уха без красной рыбы. Так и оказалось. Не захотел есаул варить уху без стерляди, велел еще раз попытать счастья, а подъехавшим казакам приказал расстелить брезент под ивами, разложить тарелки, ложки, поставить бутылки с вином, рюмки, хлеб нарезать. Повару с помощником было предложено без промедления чистить и разделывать улов.

В третий раз казаки полезли в речку. На этот раз они крепко ругались на свое начальство, из-за которого им приходится

купаться в прохладной воде. Наконец, попалась им парочка стерлядок. Побросали они рыбу в повозку, начали одеваться, а отряд Дундича тут как тут.

— Руки вверх!— приказал им красный командир. Солдаты опешили, а есаул — за кобуру. Не успел он выдернуть наган, а Дундич уже сидит на нем верхом. Связали есаула, заткнули ему рот кляпом, бросили его в повозку с хлебом и вином, казакам велели, не мешкая, двигаться за мост.

Переехали на ту сторону реки, въехали в лощину, где буденовцы оставили своих лошадей, а Паршин говорит повару:

— Ты даром время не теряй, заваривай уху-то.

По дороге красные узнали, что казаки готовились к встрече генерала Улагая.

Через некоторое время отряд Дундича возвратился в свою часть, а спустя полчаса весь полк с аппетитом ел наваристую генеральскую уху и благодарил Дундича.

Но Дундич сказал, что на этот раз спасибо надо говорить Паршину, который не разрешил ему обстрелять рыбаков.

КАК НАШЛИ ФЕЛЬДШЕРА

Однажды в разведке отряд Дундича два раза попадал в засаду и был крепко потрепан. Некоторые бойцы навсегда остались в степи, наспех зарытые в неглубокие братские могилы. А многие из тех, кто вернулся, были сильно изранены пулями и саблями.

И хотя задание командования было выполнено — пленный унтер-офицер крепко привязан к седлу, невеселым вошел Олеко в штаб полка. А тут на него обрушилась новая беда: узнал он, что прошлой ночью умер от тифа полковой врач и на всех раненых осталось несколько санитаров. Санитары могли сделать лишь перевязку, а двум бойцам Дундича нужна была срочная операция. Просит Олеко командира полка Стрепухова:

— Петр Яковлевич, разрешите съездить в соседний полк. Жалко ребят. Если до утра пули не вынуть — умрут.

Но, оказывается, Стрепухов уже звонил к соседям. Те тоже без врача и без фельдшера сидят.

— Давай позвоним в Царицын, в штаб фронта, — настаивает Дундич, а Петр Яковлевич разводит руками и объясняет, что уже звонил в Царицын, обещали прислать доктора дня через два.

Слушает Стрепухова Дундич, а сам белее снега становится. Смотрит с ненавистью на пленного, сжимает эфес шашки. Всем своим видом хочет сказать, что это из-за него гибнут лучшие бойцы красной конницы. А унтер-офицер переводит глаза с Дундича на Стрепухова, мычит что-то. Только сейчас командир полка заметил, что пленный сидит до сих пор с кляпом во рту и с связанными руками. Приказал он бойцу развязать белогвардейца. И когда тот немножко размял затекшие руки и отдышался, спросил его о причине мычания. А унтер все время с опаской смотрит на то, как Дундич поднимает и опускает эфес своей шашки.

Встал Олеко, еще раз презрительно поглядел на трясущегося от страха белогвардейца, с силой опустил шашку в ножны и вышел на крыльцо. Сел, обхватил голову руками, закрыл глаза

и видит перед собой погибших и раненых своих товарищей. Многих, ой многих друзей потерял Олеко за последние два года, как ушел он с красноармейцами интернациональным отрядом из Одессы. Всего восемь его земляков-сербов осталось во всем полку. А завтра, может быть, останется семь, если Дундич ничего не придумает. А что можно придумать, когда до Царицына верст семьдесят. Пока туда-сюда проскачешь — день пройдет.

В это время подошел к нему ординарец Шпитальный и тихо сказал:

— Товарищ командир, там Славко в бреду, мечется, вас зовет.

Вскочил Дундич и побежал в лазарет. Понял, что друг проститься с ним хочет.

Остался Шпитальный с часовым у штаба Яшей Паршиным. Стоят, курят, ведут разговор о последних боях, о друзьях-товарищах, а в это время на крыльцо вывели пленного. Посмотрел он на часового и просит:

— Земляк, дай закурить?

Яков Николаевич угадал в пленном станичника. Дал свою папироску. А казак и говорит:

— Слышал я, докторов у вас нет. А у нас в хуторе есть фельдшерица. Вместо доктора орудует. Самому Мамонтову осколок вынимала.

— Кто же такая? — поинтересовался Паршин.

— Да Лидка Рыжая.

— Поповская дочь? — уточнил Паршин.

— Она самая.

— Вот каналья, — заругался Яков Николаевич.

А Шпитальный не стал дослушивать их разговор. На коня — и в лазарет.

Протиснулся в низенькую комнату, где лежали тяжелораненые бойцы, подошел к Дундичу и говорит:

— Иван Антонович (так в Красной Армии звали Дундича), есть фельдшер.

— Где?

— В Белуженском, где мы этого унтера захватили.

Дундич обнял находчивого ординарца и приказал ему:

— Разущи Гриппу. Пусть она приготовит нам мундиры.

Шпитальный пулей вылетел из лазарета. А Дундич наклонился над своим другом и просит его, чтобы тот потерпел еще немного, пока он привезет доктора.

Когда Дундич вошел в свою комнату, там уже санитарка Гриппа и Шпитальный пришивали к новенькому французскому кителю погоны капитана и две планки орденских ленточек.

— Добро, други мои!— воскликнул довольный Олеко, примеряя костюм капитана.— Мадам, примите мою благодарность,— поблагодарил он Гриппу.

Дундич нередко, уходя в разведку, надевал костюмы офицеров ненавистной ему белой армии. Говорил он по-русски с сильным акцентом, но зато неплохо владел французским языком, знал немецкий, и это помогало ему легко выдавать себя за офицера союзных армий.

Теперь Дундич решил выдать себя за французского офицера штаба генерала Деникина, едущего к генералу Мамонтову. А чтобы было похоже, что прорывались они сквозь красные позиции, Дундич велел Гриппе перевязать ему голову.

Шпитального обрядили в мундир унтер-офицера.

Пока ехали до Белуженского, два раза их останавливали кордоны белых. Но, услышав нерусскую речь и фамилии Деникина и Мамонтова,— пропускали дальше. В хуторе Дундич спросил у первого казака, где находится лазарет, и показал на свою перевязанную голову. Казак указал хату, над крыльцом которой развевался белый флаг с красным крестом.

Заехав в переулок, Дундич сказал Шпитальному, чтобы тот пошел в лазарет и объяснил фельдшерице, что его господину плохо и он не может дальше ехать, просит срочно помочь ему.

Прошло несколько томительных минут, которые показались Дундичу часами. Наконец, он увидел невысокую светловолосую женщину, а за ней Шпитального с большой медицинской сумкой. Дундич положил голову на гриву коня, искоса наблюдая за улицей.

Когда фельдшерица подошла к Дундичу, он поприветствовал ее по-французски и сказал, что большевики так тяжело ранили его, что он не может сделать ни одного шага. Фельдшерица попросила Шпитального помочь ей снять офицера с коня. Она положила свои руки на плечи Дундича. В тот же миг Олеко легко поднял ее в седло и сказал:

— Я не француз, мадам. Я — красный Дундич!

Лицо фельдшерицы побледнело, глаза закатились, и она беспомощно опустила руки.

Дундич еще крепче прижал ее и предупредил, что если она вздумает кричать, он убьет ее, а если она согласится поехать с ним и сделать операцию нескольким красным бойцам, то будет отпущена целой и невредимой. Но фельдшерица не слышала слов Дундича, она была в обмороке. Вдвоем с ординарцем они запихали ей в рот косынку, связали руки, перекинули через седло. Дундич снял с себя черную лохматую бурку и накрыл ею пленницу. Затем не спеша поехал к крайним хатам.

На обратном пути белые, узнав офицера-иностранца, молча пропускали его, отдавая честь.

Проехав последний дозор, Дундич пришпорил своего коня, и тот быстро помчался к хутору, где стоял красный полк.

Помощь пришла вовремя. Все бойцы были спасены.

Утром Дундич пришел в лазарет и совсем по-детски, виновато попросил у Лиды прощения за вчерашнюю выходку. Волнуясь и от этого еще сильнее коверкая русские слова, разведчик сказал:

— Нам очень нужен такой хороший-хороший доктор, как вы. Но слово чести мне, красному бойцу, дороже всего. Я обещал отпустить вас. Лошади готовы.

Но Лида отказалась возвратиться к мамонтовцам и попросила записать ее в Красную Армию.

— Как же так! — с нескрываемым удивлением спросил Дундич. — Вы и вдруг хотите воевать против своих?

— Я раньше думала, что Дундич и его друзья действительно красные дьяволы, — озорно улыбнулась Лида. — А теперь вижу, что ошиблась. Вы не только храбрые, но и честные люди. И вам надо было давно взять меня в плен.

ЛЕДОХОД

На реке Сал накануне ледохода отряд Дундича был отрезан от своего полка и прижат к самому берегу. Дундичу ничего не оставалось, как переправиться через мост в станицу Платовскую, занятую белыми.

Белоказачий эскадрон, гнавшийся за красными, объехал весь берег и, не найдя отряд Дундича, понял, что он отступил в станицу. Подъехали кадеты к мосту, а там двое часовых стоят и, облокотившись на перила, ведут неторопливую беседу, а поблизости их кони на привязи.

— Эй, станичники!— кричит им офицер.— Не проезжал ли тут красный дьявол со своей бандой?

— Это кто же такой?— повернулся к нему молодой чернобровый солдат.

— Да Дундич,— сердито сказал офицер.— А красным дьяволом его называют за одежду. У него галифе, и френч, и подкладка на бурке — все из английского красного бостона.

— Нет, такого не видали.

— Минут десять назад в станицу проехали верховые, но в красном среди них никого не было,— ответил второй часовой.

— Куда они направились?— нетерпеливо заерзал в седле офицер.

— Прямо к майдану.

— Что же вы, такие-сякие,— ругается офицер,— даже не спросили, кто они и зачем поскакали в станицу на площадь.

— А у нас приказ другой: проверять всех, кто из Платовской идет, а чтоб туда — нам не приказывали, ваше благородие.

Офицер в сердцах огрел плеткой своего коня и крикнул:

— Эскадрон, за мной! Рысью ма-а-арш!

Умчались белоказаки к базарной площади, а часовые свистнули три раза, достали из-под полы топоры и начали торопливо доски отрывать и бревна подрубить.

Из-за первой хаты показался Дундич с товарищами. Въехали они на мост, спешили и стали часовым помогать.

— Быстрее, быстрее, други,— торопит всех Дундич.

— Время еще есть,— успокаивает его ординарец Иван Шпитальный, тот самый чернобровый молодой солдат, который спрашивал господина офицера о красном дьяволе. Это буденовцы, когда в станицу ехали, прихватили с собой двух часовых с моста. В первом же дворе завели их в сарай, раздели, связали и уложили на душистое сено, а Шпитальный и Паршин, переодевшись, встали вместо них. Дундич же с остальными бойцами укрылся за высоким плетнем и ждал условного свиста.

Разобрали красные половину настила, побросали доски и бревна в Сал, и тут раздался тревожный колокольный звон — сигнал бедствия.

— Ну, други,— насторожился Дундич, сбрасывая последнее бревно.— По коням, как бы не загнали нас в ловушку.

Ускакали красные всадники к ложине. Стоят на пригорке за рекой, наблюдают, что же будет дальше? Казаки подъехали

к разобранному мосту и ругают сами себя на чем свет стоит за свое простофильство. Стали они доски и куски плетней из ближайших дворов носить да мост восстанавливать, а тут ледоход начался. Льдины одна на другую поднимаются возле моста, лезут прямо через перила, скрежещут, будто от злости, что им мешают дальше плыть. Все больше и больше льдин у моста собирается. Застонал, затрещал мост...

Прибежали жители станицы, отогнали казаков от моста и сами стали разбирать остатки. Офицер очень рассердился, хотел даже стрелять, но станичный атаман сказал ему, что если мост не разобрать, лед разрушит его и унесет лес бог весть куда. Как уже было прошлой весной. А за мост перед всем обществом отвечает не господин есаул, а он — атаман. А уж если эскадрону так нужно переправиться на тот берег, то вверх по течению верстах в десяти от станицы есть брод. Ранней весной все тем бродом пользуются.

Покрасневший от злости офицер привстал на стременах и погрозил нагайкой в сторону далеко стоящих красных разведчиков. А Дундич на прощание помахал ему рукой и ускакал вслед за отрядом в степь.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Дивизия Буденного выходила из глубокого тыла противника. Выходила с тяжелыми боями по степному весеннему бездорожью. Вот в такое время, накануне праздника Первое мая, из дивизии исчез отряд разведчиков, которым командовал Дундич. Исчез не ночью, не в тумане, а прямо на глазах у всей дивизии.

Недалеко от станицы Аксайской дивизия наскочила на сильный заслон белоказачьих войск барона Улагая. Тот генерал был очень зол на Буденного за то, что он со своей дивизией разрушил все планы белых. Вместо того чтобы идти победным маршем на Царицын, барону приходится целый месяц гоняться за потрепанными эскадронами буденовской дивизии.

Вот тут под Аксайской и решил генерал разгромить кавалерию красных. Расставил он заранее свои эскадроны таким образом, что вся дорога охватывалась с трех сторон. Сам же со своим штабом встал на холме возле ветряной мельницы. Тут и оркестр полковой поставил. Приказал капельмейстеру играть бодрые марши, а когда Буденный будет разбит — исполнить гимн «Боже, царя храни!».

Видит Буденный — не избежать открытого боя против превосходящего в несколько раз врага. На ходу провел он совещание штаба. Договорились колонной идти прямо по дороге, а фланги и обоз усилить пулеметами.

В молчании шли конники на позиции врага. Только слышен был цокот копыт да изредка тишину нарушал лошадиный храп.

Вот уже до передовой осталось двести, сто пятьдесят, сто метров. Белые не стреляют, ждут, только с флангов эскадроны приблизились к красным конникам.

И в то время, когда до врага оставалось каких-нибудь полсотни метров, на холме грянул оркестр и тотчас от передового полка красных отделилась небольшая группа всадников и с криком, свистом, стрельбой помчалась прямо на ветряк, где стоял, гордо подбоченясь, генерал Улагай.

Впереди отряда на вороном коне скакал всадник в красном френче и красных галифе. В нем Буденный без труда узнал командира разведки полка Дундича.

Белоказаки не успели даже сделать дружный залп. Смятые лошадьми, они шарахнулись в сторону, в шеренге белых образовалась широкая брешь. В нее сейчас же устремился головной полк дивизии. И когда красные смешались с белыми и началась рукопашная, тут уж ни пулеметы, ни даже винтовки барона не могли помочь.

И охрана генерала, застигнутая врасплох отрядом Дундича, еле-еле успела посадить в седло своего господина да отступить в станицу. Музыканты тоже не стали дожидаться, пока красные порубят их шашками, а повскакивали в седла и — в степь.

Думали музыканты, что красные скоро отстанут, пойдут своей дорогой на Царицын. Потому и свернули они подальше в сторону от станицы. Скачут версту, скачут вторую, а красные висят у них на хвостах. А тот, что в красном френче, размахивает саблей, стреляет в воздух из нагана и велит остановиться. Но музыканты, знай, скачут. А чтобы легче лошадям было, бросили они медные трубы и барабаны.

А красные следом едут да подбирают инструменты. Загнали они музыкантов в лощину и в последний раз приказали им остановиться. Предупредил их Дундич, если не остановятся — по ним откроют огонь. Делать было нечего. Капельмейстер взмахнул рукой, и все остановились.

Понуро ждут музыканты своей участи. А Дундич, подъехав, приказал, прежде всего, владельцам забрать свои инструменты и впредь не бросать их так легко, потому что медные трубы для них такое же оружие, как для кавалеристов шашка и карабин. Только должно служить то оружие не царю, буржуям и помещикам, не кадетам, а рабочим и беднейшему казачеству, одним словом, пролетариату в борьбе против злейших врагов — эксплуататоров.

Музыканты не согласны с Дундичем. Как же они могут служить у красных, когда все красные спрятались в Москве за кремлевской стеной! Но и оттуда их скоро прогонит генерал Деникин.

Смеется от души Дундич, смеются его бойцы, слушая такие небылицы.

— А я какой по-вашему? — спрашивает их командир отряда. — А мои другари, а вся дивизия Буденного?

— Да вы-то красные, — согласился капельмейстер. — Но ведь вас так мало.

Еще громче рассмеялся красный командир. Вспомнил он, как весной шла пятая армия от Донбасса к Царицыну, и представил,

как много народу в Красной Армии. А этот музыкант говорит, что красных мало. Ничего, он их перевоспитает.

Захотелось Дундичу блеснуть перед всей дивизией, а может быть, перед всей армией и даже фронтом своим настоящим оркестром, какого не было еще ни в одном буденовском полку.

Спросил Дундич у капельмейстера, что они могут сыграть. Тот достал из полевой сумки толстую тетрадь, расчерченную нотами. Много в ней было собрано разных походных маршей, строевых песен, вальсов. Даже царский гимн «Боже, царя храни!» был.

— А где «Интернационал»? — спрашивает Дундич, просмотрев тетрадь.

— Какой такой Интернационал? — удивился капельмейстер.

— Гимн пролетариев всего мира.

— А кто автор? — допытывается музыкант.

Подумал немного Дундич, нахмутив белесые брови, и говорит:

— Написал «Интернационал» по заданию Карла Маркса и Фридриха Энгельса столяр Эжен Потье. Слышал о таких?

— Таких композиторов не знаю, — сознался пленный. — Слышал, что они бунтари и хриstopродавцы, хотят коммунию строить, чтоб нас всех под одной крышей держать.

— Это неправда, — авторитетно заявил Дундич. — Не под одной крышей, а под одним Красным знаменем жить будем, когда всю контру раздавим и по всем улицам будет греметь «Интернационал». — И Дундич запел глуховатым баритоном с заметным акцентом:

Это есть наш последний
И решительный бой.
С «Интернационалом»
Воспрянет род людской!

Песню поддержали бойцы его отряда, и капельмейстер, шевеля толстыми губами, что-то стал записывать в свою тетрадь.

Во время пения Дундич заметил, как подтянулись не только его бойцы, но и пленные.

— Сильная музыка, — согласился капельмейстер.

Тогда Дундич приказал ему готовить партитуру, остальным же музыкантам велел играть все подряд от «Польки-бабочки» до старого русского гимна.

Идет его отряд по степи, а музыка разносится далеко-далеко, и кажется Дундичу, что лазоревые цветы — тюльпаны весело кивают своими яркими бутонами.

К вечеру спешили, закусили и легли отдохнуть. Потом разожгли костер, и музыканты долго репетировали новый для них гимн.

А в дивизии переполох: пропал отряд Дундича. Приказывает Буденный: снарядить несколько групп и послать в степь на поиски. Может, ведет Дундич неравный бой и нуждается в помощи. Поскакали группы в разные концы привольной лазоревой степи. Ищут час, ищут другой — нет Дундича. Возвратились, доложили, что в одной балке встретили белых музыкантов. Они играли «Боже, царя храни!».

— Где они играют?— спрашивает Буденный и садится на коня.— А ну покажите мне тех музыкантов.

Проехали всадники километра два по степи, видят: в ложбине горит костер, а вокруг него бойцы сидят и поблескивают от огня медными трубами. И что-то знакомое, волнующее играют те музыканты. Приосанился в седле комдив, подкрутил кончики пышных темных усов и дал шпоры своему коню. Подскакал к огню, осадил разгоряченного дончака, спрыгнул на землю и заиграл перед Дундичем нагайкой.

— Ты что же это, несознательная твоя душа, сидишь и в ус не дуешь,— ругается Буденный.— Дивизия беспокоится, ищет тебя по всей степи.

А Дундич извиняется и говорит, что он хотел сюрприз преподнести всей дивизии: завтра на парад выехать со своим настоящим оркестром и чтоб непременно с «Интернационалом».

Оглядел всех музыкантов комдив, потрогал трубы и барабан, удовлетворенно крякнул и сказал:

— Мне хлопцы сказали, что видели отряд, но только белый, потому что он играл «Боже, царя храни!». Я сразу сообразил, что это не белые. Ну какие к дьяволу белые осмелятся на всю степь греметь. До этого только наш Дундич может додуматься.

ИСТОРИЯ С БРОНЕПОЕЗДОМ

В последних числах августа 1919 года корпус Буденного двигался от Камышина к Михайловской. Узнав об этом, мамонтовцы разбегались по хуторам и займищам.

Шедшая впереди корпуса разведка, во главе с Дундичем, узнала, что на запасных путях станции стоят три бронепоезда. Чтобы они не достались красным, белые уже вывели из строя два, а команда третьего перебила своих офицеров, заперлась в вагонах и стреляет в каждого, кто пытается приблизиться к крепости на колесах. Дундич сразу понял, что бронепоезд с пушками и пулеметами может стать хорошим помощником кавалеристов в освобождении станиц и хуторов вдоль железной дороги. Он решил во что бы то ни стало захватить эту крепость.

Обойдя станцию с запада, Дундич дождался, когда лучи заходящего солнца ослепили бойницы, с небольшой группой неожиданно выскочил из-за пакгаузов и, пригибаясь, побежал к вагонам. Белые заметили отважных разведчиков слишком поздно — пулеметы уже не доставали бегущих. А бойцы, стреляя по смотровым щелям, поднимались на паровоз и вагоны. Испугалась команда, что красные могут подложить мины под паровоз, отворила тяжелые бронированные двери и вывесила белые флаги капитуляции.

Подъехали конармейцы к бронепоезду, трогают его руками, проверяют: верно ли, что он железный, удивляются, как удалось Дундичу, не потеряв ни одного человека, захватить такую грозную машину. А Дундич в это время сидел на сложенных шпалах и терпеливо ждал, пока санитарка Агриппина сделает ему перевязку. Вгорячах Олеко не заметил, как ударился коленкой о подножку, и вот теперь открылась старая рана.

Только санитарка закончила перевязку, подъезжает Семен Михайлович Буденный и говорит:

— Молодец, сынок. Живого Мамонтова никак не захватим, так хоть на железного полюбуемся,— и показывает на средний вагон. А там по зеленой броне белой краской сделана надпись: «Бронепоезд им. генерала Мамонтова».

— Это вам подарок,— говорит весело Дундич.— Надпись мы аллюром сотрем и сделаем другую.

Дундич, хромя, направился к бронепоезду. Буденный остановил Олеко и поинтересовался, почему он хромяет.

— Ну, вот что,— сказал командир, задумчиво потягивая кончик большого уса.— В лазарет я тебя не пошлю, все равно убежишь оттуда, а назначу я тебя командиром этой махины.

Дундич хотел возразить, сказать, что никогда не имел дела с машинами, что вот уже пять лет не слезает с седла, но посмотрел на строгое лицо комкора и осекся. Понял: если будет перечить, отправит в лазарет.

— Слушаюсь, товарищ Буденный!

— То-то,— подобрел Семен Михайлович.— Чтоб утром бронепоезд был готов к походу.

А утром приходит адъютант Буденного в штаб и говорит, что бронепоезда на станции нет. Не поверил командир корпуса: как так нет, не может того быть, чтобы Дундич не выполнил приказ. Велел поискать у водокачки или возле угольного склада. Но бронепоезд пропал, как сквозь землю провалился.

Не выдержал Семен Михайлович, сам поехал на станцию. Спрашивает стрелочника, не видал ли он бронепоезд имени генерала Мамонтова?

— Нет, такого не видал,— отвечает железнодорожник.— А вот бронепоезд имени товарища Буденного прошел час назад в сторону Царицына.

Не на шутку встревожились в штабе корпуса.

Еще бы! Ведь южнее Михайловки во всех станицах были белоказаки. Что затеял Дундич? Почему и куда самовольно угнал бронепоезд?

— А может, он его обкатывает?— предположил командир полка.

Наконец, разыскали одного казака, который рассеял все сомнения.

— Он в Колдаиров поехал,— объяснил казак.

— Как в Колдаиров?— не поверил Буденный.

А дело было так. На рассвете к бронепоезду, который уже носил имя товарища Буденного, подъехали несколько казаков и сказали Дундичу, что в хуторе Колдаирове белоказаки взяли в плен раненых разведчиков, которые скрывались в доме учительницы Марии Самариной. Кадеты издеваются над буденовцами и над Марией, а один заставляет Самарину стать его женой.

Гневом загорелись глаза Дундича. Его лучшие друзья в беде! Разве может он допустить, чтобы кадеты издевались над дорогими ему людьми? Горячий по натуре, Дундич на миг забыл о дисциплине красного бойца и о том, что за самовольство ему может крепко влететь от командования. Он позвал своего ординарца Шпитального, велел ему разбудить машиниста и кочегара, чтобы те подняли пары. Затем кавалеристы с трудом втащили на бронированную платформу трех коней. Медленно ворочая тяжелыми колесами, паровоз подтянул состав на главный путь. Когда подъехали к станции, Дундич вошел в кабинет диспетчера и велел передать по всей дороге приказ о встрече красного бронепоезда. А чтобы белые узнавали, что это именно тот самый бронепоезд, Олеко прикрепил над будкой машиниста красный флаг.

— Гони аллюром!— приказал Дундич машинисту, но тот возразил: мало ли что надумают кадеты — могут рельсы разобрать, мост взорвать.

Посадил отважный разведчик двух красноармейцев на крышу вагона, дал им свой бинокль и сказал, чтобы следили за дорогой. Увидят подозрительное, пусть немедленно сообщат ему.

На первом же разъезде белые, узнав, что идет бронепоезд Дундича, убежали подальше от железной дороги. Они решили так: уж если на коне этот красный дьявол наводит на них ужас, то что он может натворить на своей адской машине.

Так без единого выстрела, не встретив ни одного белоказака, дошел бронепоезд до станции Лог. Приказал Дундич своим бойцам взять на прицел поселок и дорогу на хутор Колдаиров. Навели они в ту сторону пушки и пулеметы, а Олеко с ординарцем вывели трех коней и поскакали в хутор.

На краю хутора Дундич спрашивает у старого казака:

— Много в хуторе кадетов?

Старик посмотрел на Дундича, угадал его и смеется.

— Как утром узнали на станции, что ты едешь, поутекали в Белуженский.

Галопом пустили своих коней Дундич и Шпитальный. Въехали на просторный двор Самариных. Дундич вбежал в дом, увидел Марию живой и невредимой, спрашивает:

— А где остальные?

— Порешили их проклятые кадеты ночью.

Долго стоял Дундич, опустив голову, наливаясь гневом. Потом велел Марии собирать вещи.

А у Марии уже узелок с платьями приготовлен. Попрощалась она с матерью, хотели уже на коней садиться, да вдруг Олеко попросил:

— Напиши письмо поручику, который тут верховодил, что если он, кадетская шкура, встретится Дундичу, тот с него шкуру спустит.

Пишет Мария письмо, а Шпитальный торопит командира, говорит, что на бугре всадники показались. Это белые увидели, что в хутор приехал не полк, и осмелели. Но письмо все-таки Мария дописала, Дундич поставил под ним свою подпись и передал бумагу Мариной матери.

Когда выехали за мельницу, кадеты с другого конца ворвались в хутор. Подъехали к дому Самариных, прочитал белый офицер записку Дундича и приказывает:

— Догнать наглеца!

Кинулись казаки в погоню. Но трудно им догнать резвых коней Дундича. А когда увидели бронепоезд с красным флагом, повернули обратно.

К полудню бронепоезд возвратился в Михайловскую. На перроне его встречали Буденный и другие командиры. Увидели они своего любимца живым и невредимым, и лица у них просветлели. Подумал Дундич, что если они радуются его возвращению, значит, наказывать не будут. Но Буденный приказал отобрать у него оружие и отвести под стражу на десять дней.

Только не пришлось Дундичу сидеть под арестом весь срок. Через три дня началось наступление красной конницы на Воронеж, и отважный Олеко, передав бронепоезд другому командиру, вместе со своими разведчиками уже скакал в тыл белых.

«ГРОМ ПОБЕДЫ»

Выбитые из Воронежа, белые стремительно отступали на юг. Красная кавалерия решила не дать опомниться шкуровцам и мамонтовцам и наносила им один неожиданный удар за другим. Таким неожиданным ударом для белых был захват станции Суковнино.

Гарнизон станции ждал красных со стороны Воронежа, а командарм Буденный принял решение в предрассветном тумане перейти ледяную мелководную речку Ворону вброд и напасть на станцию с тыла.

Впереди армии, как всегда, шла конная разведка во главе с Дундичем. Появление красных было таким неожиданным, что белые не только не оказали сопротивления, но даже не проснулись. А начальник гарнизона, молодой штабс-капитан, выругал Дундича, когда тот попытался разбудить его. В это время к Дундичу подбежал встревоженный разведчик Николай Казаков. За малый рост, шустрость, мальчишеское лицо все его звали Казачком. Одетый в черную венгерку, отороченную белым каракулем, малиновые галифе, весь перепоясанный патронташами и ремнями, Казачок выглядел грозно и забавно.

Дундич глянул на озабоченного разведчика и махнул рукой на спящего штабс-капитана.

— Что случилось, дорогой Казачок?— спросил Дундич, проникаясь его тревогой.

— Понимаешь, штука какая,— сощурил голубые глаза Николай.— Там в комнате тарахтит такой коробок с колесами, а из него бумажная лента, как червяк, ползет.

— Телеграф действует!— обрадовался Дундич.— Где телеграфист? Иди, ищи телеграфиста, аппарат не трогай.

Казачок убежал, а Дундич дулом своего маузера бесцеремонно стал шевелить белого офицера.

— Встать!— крикнул Дундич.— Красные взяли станцию.

Это сообщение подействовало на штабс-капитана.

Увидев перед собой человека в бурке и в папахе с красной звездой, он испуганно признался, что сочувствует красным, знает, что Мамонтов и Шкуро будут разбиты, и потому просит не убивать его.

Дундич приказал ему одеться и идти в аппаратную.

В зале ожидания конармейцы, уже обезоружив гарнизон, вводили солдат в свободное помещение багажного отделения. Дундич приказал одному бойцу скакать к Буденному и доложить, что станция в наших руках.

В аппаратной Казачок уже держал под наганом перепуганного бледного телеграфиста и требовал, чтобы он читал сообщение. А у того от страха пропал дар речи.

Дундич засмеялся, приказал Николаю убрать пистолет, положил свою тяжелую руку на плечо телеграфисту и спокойно сказал:

— Не бойтесь. Мы хоть и красные, но пленных не убиваем. Вот посмотрите на своего начальника,— он кивнул на штабс-капитана, который стоял тут же и ожесточенно грыз ногти.— Он тоже жив. Вы должны нам помочь. Откуда телеграмма и о чем?

— Со станции Касторной,— наконец пролепетал телеграфист, протягивая трясущимися руками бумажную ленту.— Сначала спрашивали, что у нас нового, а теперь волнуются, почему молчим.

— Господин штабс-капитан,— повернулся Дундич к офицеру.— Почему вы молчите? Отвечайте!— и жестом пригласил его к аппарату.

Офицер молчал. Он думал, что красные взяли станцию малыми силами и теперь, сообщив об этом на Касторную, уйдут отсюда и если его не расстреляют буденовцы, то расстреляют свои.

Догадавшись, почему перепугался офицер, Дундич сказал ему:

— Слово чести, я вас не трону. Выполняйте мой приказ. Скажите, что красные напали неожиданно, вы отбиваетесь, но вам нужна срочная помощь. Пусть пришлют полк.

Штабс-капитан осмелел и начал медленно диктовать телеграфисту.

Через несколько минут был получен ответ. С Касторной спрашивали, кто у аппарата?

Начальник гарнизона назвал себя.

— А он кто?— спросил Дундич. С далекой Касторной ответили: «С вами говорит начальник штаба полковник Архангель-

ский. Ждите помощь. Их превосходительство высылает в ваше личное распоряжение бронепоезд «Гром победы».

— Сколько у нас минут?— спросил Дундич у штабс-капитана.

— Около часа.

— Казачок, иди к товарищам, скажи, чтобы все нацепили погоны. У кого нет, пусть возьмут у пленных. А вам,— обратился Дундич к офицеру,—придется временно расстаться с шинелью и папачкой.

Когда разведчики переоделись, на станцию приехал первый полк конной армии.

Вошедший в вокзал Семен Михайлович увидел Дундича в погонах штабс-капитана и сразу догадался, что этот отчаянный серб что-то придумал. Дундич рассказал командарму о своем плане захвата бронепоезда. Семен Михайлович, довольный находчивостью командира, похвалил:

— Молодец, Иван Антонович. Только чин у тебя больно маленький. Белые еще не захотят тебе подчиниться.

— Парадом будете командовать Вы, товарищ командарм.

— Так у меня нет генеральских погон,— смеется Буденный.

А Дундич уверяет, что белые выполнят любой приказ красного командарма.

Запросили еще раз Касторную о бронепоезде. Оттуда подтвердили, что помощь уже в пути. Скоро из-за поворота показался бронепоезд. Сначала он шел быстро, но потом сбавил скорость и к станции подходил осторожно, будто опасаясь чего-то. Жерла его пушек были повернуты в сторону вокзала. Белых удивили тишина и порядок на станции. Никаких следов недавних сражений. На пустынном перроне стоят несколько солдат и штабс-капитан.

Бронепоезд, тяжело вздохнув, остановился. В одном из вагонов с грохотом распахнулась тяжелая дверь. На перрон прыгнул капитан. Он небрежно козырнул стоящему навтыжку молодому стройному штабс-капитану и спросил:

— Где красные? Что вы подняли панику? Что делать моей команде?

Дундич убрал руку от папачки и неторопливо доложил:

— Атака красных отбита. Команде построиться на перроне.

— И что дальше?— нетерпеливо спросил приехавший.

— Не знаю, все дальнейшие приказания вы получите от командующего.

— Он здесь?— удивился капитан.

— Так точно. Там,— указал рукой на вокзал молодой штабс-капитан.

Капитан подошел к распахнутой двери вагона и крикнул:

— Всей команде на перрон!

С грохотом начали открываться железные двери, и солдаты стали строиться вдоль вагонов. Когда построились, Дундич скомаандовал:

— Направо! Шагом марш!

И только когда капитан вошел в здание вокзала и увидел там Буденного с красными конниками, он понял, в какую ловушку заманил его штабс-капитан. Однако было поздно. Под дулами винтовок и наганов команда дружно складывала оружие. А Дундич со своими бойцами уже осматривал вагоны.

Бронепоезд «Гром победы», подаренный белым генералом лично Дундичу, как шутили буденовцы, долго еще служил верой и правдой Первой Конной. И у красных он действительно был громом победы.

ТРУДНАЯ МИНУТА

Шла весна 1920 года. От частых дождей размыло все степные дороги. Красным войскам было очень трудно продвигаться вперед.

В один из таких весенних дней Семен Михайлович Буденный приказал командиру особого отряда Дундичу отправиться в разведку и из каждого пункта присылать нарочного с донесением.

В отряде было тридцать бойцов. Все под стать своему командиру: храбрые, находчивые. Кони у них быстроногие. Выехал отряд из села, спустился в лощину. Дундич говорит двоим разведчикам:

— Дальше пойдем опушкой. Проверьте, други, нет ли там кого?

Он не сказал: «Нет ли белых?». Потому, что в ту пору по лесам и степям скрывались не только разбитые белогвардейские части, но также банды «зеленых» и петлюровцев, «желтых» и махновцев.

Скоро разведчики вернулись и доложили, что в лесу тихо, спокойно. Отряд выехал на опушку. Молодая зелень закрывала коней и всадников, но из-за кустов хорошо была видна дорога.

Проехали с километр, наткнулись на небольшой хуторок. Бойцы проверили — ничего опасного. Олеко приказал связному скакать к Буденному и доложить, что армия может двигаться вперед. Другого бойца оставил в хуторе квартиры готовить.

Вечером отряд разведчиков добрался еще до одного хуторка. Дундич послал и отсюда бойца с пакетом в штаб армии, а сам решил двигаться дальше.

Выехал красный командир за ворота, а хуторские ребяташки тут как тут. Смотрят с удивлением на его кумачовый бант, на котором сверкает боевой орден. Восхищаются его лошадью, сбруей, саблей в черных ножнах с серебряной чеканкой. Посмотрел Дундич на них, и его усталое, худое лицо просветлело. Очень

уж любил он детей и при случае непременно катал кого-нибудь из мальчишек на своем коне. Дундич наклонился к одному, хотел было посадить его к себе в седло, ребята вдруг все разом заговорили, загалдели:

— Не надо его, дядя! Не надо!

— Почему?— удивился боевой командир.

— Он с махновцами на тачанке катался,— объяснил ему карапуз в больших чеботах.

— Тогда ты садись,— весело скомандовал Дундич, беря его за протянутую руку.

Счастливым и гордым, уселся впереди него хлопец. Отъехали они недалеко от двора, Дундич спрашивает:

— Тебя как звать?

— Митькой.

— А давно у вас махновцы были?

— Не... Когда бабушку Лукерью хоронили. И сегодня хотели приехать, велели самогон гнать, гусей жарить... Злющие они, страсть! А самый вредный — одноглазый, ему недавно глаз выбили. Он нагайкой меня огрел. Петькой Чернобровым его кличут. Повязка у него на глазу.

— Не бойся, не придут они,— сказал Дундич, глядя мальчика по голове.— Прогоним мы их. А теперь, друже,— домой.

Но мальчик не хотел слезать с коня.

— И я с вами,— умолял он Дундича.

— Нет, нет,— решительно сказал командир.— Слушай приказ: марш домой!— И опустил хлопца на землю.

Было уже совсем темно, когда буденовцы выехали на большой степной шлях. За день лошади устали, да и бойцы утомились. Ехали осторожно, медленно: мешала липкая дорожная грязь, никто ни о чем не говорил, не курил.

Неожиданно впереди огоньки засветились: вроде кто-то прикуривает. Только расстегнул Дундич кобуру, хотел внимательно разглядеть, что там на пути, как совсем рядом услышал голос:

— Кто такие?

В тот же момент Дундич увидел перед собой дуло пистолета и лицо с белой повязкой. «Махновцы!»— молнией сверкнуло в голове командира. Нет, не уйти от них на измученных конях его маленькому отряду! И в то же мгновение возник смелый план.

— Убери пушку, Чернобровый,— властно потребовал Дундич.— Своих, Петька, не угадываешь.

И как только одноглазый опустил руку, Дундич выстрелил в него и громко скомандовал:

— Полк, огонь! Шашки наголо!

Тотчас же справа и слева раздались частые ружейные выстрелы.

— Засада!— закричали бандиты.— Тикайте, хлопцы!

Повернули махновцы своих коней и пустились наутек. Под одним из них красные конники убили лошадь. Махновец вскочил и поднял руки.

Когда остальные махновцы были далеко от хутора, Дундич спросил пленного:

— Это была ваша разведка?

— Ни. Все войско.

— А сколько сабель?

— Да пятьсот с гаком.

Дундич посмотрел на буденовцев и засмеялся.

— Пацан — молодец! Помог в трудную минуту.

Лихо сверкнули карие глаза Олеко:

— Ура Митьке, юному буденовцу!

И бойцы негромко, но дружно крикнули:

— Ура Митьке!

СОЛЯНОЙ ОБОЗ

На станции Бахмут были соляные шахты. Когда туда ворвалась конная разведка Дундича, бойцы забыли обо всем на свете и начали набирать соль, во что попало и сколько можно было увезти в седле.

Дундич не ругал своих конников, только поторапливал их. Дело в том, что в Красной Армии да и вообще во всей Советской Республике почти не было соли. Редко видели ее и буденовцы. Вот почему они так жадно накинулись на белые кучки, разбросанные возле складов и железнодорожных путей.

Неожиданно из ближайшего переулка показались всадники. Дундич резко свистнул. Это был сигнал опасности. Его бойцы тут же вскочили в седла. Подъехавший белоказачий офицер увидел на плечах буденовцев погоны и успокоился. Он представился начальником патруля и заметил, что есаулу надо бы помочь обозникам генерала Мамонтова, которые едут на погрузку соли.

Дундич согласился выполнить распоряжение начальника патруля и попросил поторопить обоз.

Как только белые отъехали, Дундич сказал своим товарищам, что им придется задержаться.

— Не будем же мы с пустыми руками возвращаться, когда можем доставить целый обоз соли.

Скоро у ворот шахтоуправления стояли двое часовых в погонах ставропольского белоказачьего полка, над входом появилась фанерная вывеска: «Комендатура», а на дверях кабинета бывшего управляющего трафарет: «Комендант». В кабинете сидело несколько человек, одетых в белоказачьи мундиры. Дундич довольно потирал руки и, хлопая по плечу Казакова, приговаривал:

— Привезем целый-целый обоз соли. Хлеб — соли, борщ — соли, чай — соли.

Со склада шахтоуправления бойцы принесли несколько кусков мороженого мяса, пару буханок хлеба, кочаны капусты, и сейчас же в кабинете жарко затрещала железная круглая печь «буржуйка»: Где-то достали кастрюли. Начали варить щи.

В это время во дворе ординарец Дундича Иван Шпитальный готовился к встрече гостей. Чтобы у белых не возникло подозрений, Шпитальный развесил на веревке на самом видном месте два кителя с полковничьими погонами, а над крыльцом прибил трехцветный царский флаг.

Часа через два к шахте подъехали легкие сани с двумя офицерами и кучером. Увидев вывеску, белые спросили, где можно найти коменданта, и ввели коней во двор.

Дундичу доложили о первых охотниках до соли. Он послал Казакова навстречу офицерам. Казаков, накинув на плечи любимую черную венгерку, отороченную белым каракулем, надвинув на затылок белую высокую папаху, похожий на только что испеченного прапорщика, выскочил на крыльцо и хлебосольным хозяином начал приглашать господ офицеров на шулюм из телятины. Белые поблагодарили прапорщика, но спросили, где же соль, которую они должны срочно погрузить, пока на станцию не ворвались буденовские головорезы.

— Не волнуйтесь, господа,— успокоил их Казаков, озорно глянув на Шпитального.— Соль под вами. Мы стоим на соли.

Офицеры недоверчиво поглядели себе под валенки, но, кроме снега, ничего не увидели.

Николай начал им разъяснять, что это он выразился фигурально. Но соль действительно есть. Она в шахте. Если господам поручикам угодно спуститься в шахту, они увидят несметную кладовую соли.

— Но,— предупредил своих гостей Казаков,— прежде всего разрешите ваши полномочия.

Офицеры обиделись на недоверчивость молодого голубоглазого прапорщика, однако предъявили свои удостоверения и распоряжение на отпуск соли.

Прапорщик ввел их в кабинет коменданта, у двери которого стоял гвардейского телосложения казак. Дундич неторопливо протянул руку за документами, которые передал ему Казаков. Просмотрев их, Олеко поднялся и оглядел вошедших поручиков.

— Двести пятьдесят пудов соли,— сказал Дундич, кладя в папку распоряжение,— это много, господа. У нас есть пудов сто, не больше.

— Но,— возразил поручик,— это приказ его превосходительства, господин комендант. Кроме того, нам велено взорвать шахту после загрузки обоза.

— Это мы сделаем без вас,— жестко сказал худощавый есаул, приглаживая широкой ладонью каштановые волосы.— Где такой приказ?

— Это устный приказ господина Мамонтова. Вы разве не знаете, что красные уже рыщут вокруг станции?

— Кто это вам сообщил?— недобро усмехнулся Дундич.

— Наша разведка.

— А наша разведка что сообщает, товарищ Казачок?— повернулся к Николаю командир.

Услышав слово «товарищ», поручики потянулись к оружию, но на них уже смотрело несколько стволов. Дундич приказал им положить оружие и вести себя благоразумно, выполнять приказы не генерала Мамонтова, а командира буденовской разведки.

— Первое, что я вам прикажу,— сказал Дундич,— это спуститься в шахту и добыть своими руками по мешку соли. Потом вы дадите расписку, что теперь и во веки веков не будете воевать против Советской власти. Только тогда я обещаю вам сохранить жизнь.

— Еще едут,— доложил Казачок, глянув во двор.

— Проводи господ офицеров в шахту,— приказал Дундич Николаю, а сам снова сел за стол.— Середа,— позвал он бойца, стоящего у двери,— зови сюда всю охрану обоза, а пропускать будешь по одному. И чтоб документы готовили, они нам пригодятся.

Пока Дундич принимал солдат и младших офицеров из охраны обоза, во двор въехало десятка два саней.

Всех возниц тоже пропустили через кабинет коменданта. Каждого вошедшего обезоруживали и приказывали тихо, без шума спуститься в шахту и добыть мешок соли.

Когда было поднято около сотни мешков, Казачок сказал, что к шахте скачет тот самый начальник патруля, который направил их сюда.

— Встретим, как лучшего друга,— весело сказал Дундич.— Но на всякий случай всем быть готовыми. Соль погрузили?

— Что за анархия, господин есаул?— с порога начал возмущаться начальник патруля, за которым вырос, как гора, Иван Середа.— Кто вам разрешил именоваться комендантом? Я приказал убрать всю эту декорацию, но ваши люди не подчиняются. Я вынужден арестовать вас и препроводить в комендатуру.

— Господин капитан, одну минуту,— спокойно сказал Дундич, удобно усаживаясь на край стола.

Возмущенный такой наглой выходкой есаула, начальник патруля потянулся за пистолетом, но Середа так сдавил его руку, что офицер застонал.

— Что все это значит?— грозно спросил капитан, глядя, как Дундич играет маузером.

— А то, господин золотопогонник, что не вы меня, а я вас арестовал. И быть тут комендантом мне разрешил Буденный. Он же приказал мне поступить так, как я найду нужным. Особенно это относится к пленным. Вы понимаете, господин капитан, что всех пленных мы не можем увезти с собой. А оставлять вас здесь опасно.

Офицер стал клясться, что он не доброволец, его мобилизовали деникинцы.

— Хорошо,— принял решение Дундич.— Положите оружие. Вы поедете с нами. На заставах будете называть пароль.

— Только подчиняясь насилью,— хмуро ответил офицер.

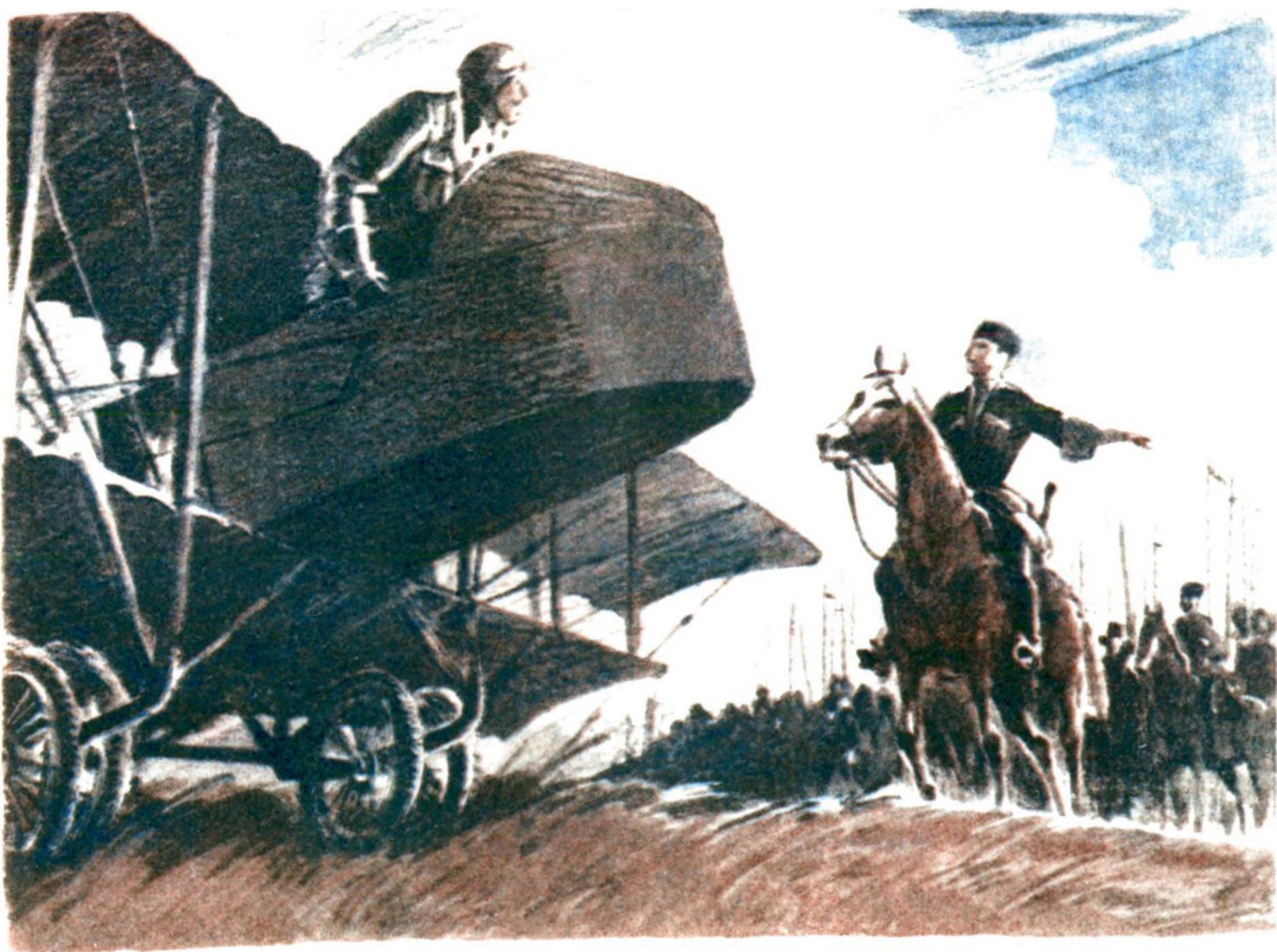
— Помните: малейшая неточность в вашем поведении может до срока оборвать вашу жизнь. А сейчас вы пригласите фельдфебеля и отправите весь патруль в обратный конец города.

Уже стемнело, когда к последней заставе подъехали два всадника. Один — молодой энергичный есаул, другой — немного растерянный медлительный капитан. За всадниками тянулась длинная вереница саней, охраняемых полсотней казаков.

На вопрос часового капитан назвал пароль. Есаул предъявил разрешение на вывоз соли, подписанное генералом Мамонтовым. Часовые пожелали всадникам счастливого пути, и скоро обоз скрылся в ближайшей ложине, а затем растаял в заснеженной безбрежной степи.

САМОЛЕТ

Не успели кавалеристы выйти со станции Большая Таловка, как над степью в осеннем небе прострекотал аэроплан. Он был совсем не похож на сегодняшние самолеты. Скорее он был похож на книжную этажерку. Два легких крыла крепились к фюзеляжу из трубок, планок и проволоки. Моторы на такие самолеты ставились громоздкие и не сильные. Вдобавок они очень громко тарахтели. За этот шум пехота называла аэропланы примусами.

Как только затарахтел над головами аэроплан, Буденный отдал приказ:

— Знамена свернуть!

Такой приказ отдать было необходимо.

Во-первых, потому что никто не знал, чей это самолет: красных или белых? Во-вторых, если самолет красный, знамена можно быстро развернуть, а если белый — летчику трудно будет определить, чьи войска и что с ними делать: бросать на них бомбы или не бросать?

Буденный почему-то решил, что аэроплан этот не красный, хотя на нем не было никаких опознавательных знаков. «Если бы наш, — думал командарм, — меня бы предупредили. И летел бы он не с юга, а с севера или востока». Чтобы еще больше обезопасить свою конницу, Семен Михайлович дал команду по эскадронам, чтобы бойцы радостно улыбались и приветственно махали пролетающему самолету.

И когда самолет, грохоча мотором, пролетел над шарахающимися лошадьми, летчик увидел радостные лица и то, как конники машут ему руками, папахами, саблями. Летчик сделал круг и еще раз пролетел над колонной. И снова повторилась та же картина. Кавалеристы были рады видеть над своей головой железную птицу.

— Это, товарищи, — довольно проговорил Буденный, видя, как самолет снова разворачивается и идет навстречу коннице. — Он хочет нам сообщить что-то. А ну давай с дороги, освободите ему площадку.

Кавалеристы расступились, образовав длинный широкий коридор, по которому мог бы свободно пройти целый крейсер, не то что маленький двукрылый аэроплан.

Летчик увидел маневр кавалерии и стал резко снижаться. Пролетая мимо них, еще раз внимательно оглядел войско: красных знамен нет, погоны, кажется, есть, значит, свои. Прошла минута, и самолет, смешно прыгая на кочках сусличьих нор, пробежал метров двести и остановился. Не выключая мотора, летчик поднял очки на лоб и поманил к себе кавалеристов, но те, продолжая махать руками и улыбаться, не трогались с места. Надрываясь, летчик крикнул:

— Вы казаки? Казаки?

— Казаки! — дружно ответили конники. — Мы донцы! А мы кубанцы! Казаки!

В это время к самолету подъехало несколько всадников. Один из них, темноусый, в черной бурке и папахе, махнул властно рукой, требуя заглушить мотор.

— Мамонтоф? — спросил пилот, показывая на усатого всадника.

— Да, Мамонтов!— подтвердил Буденный и подмигнул своим товарищам. Те охотно поддакнули, что это и есть генерал Мамонтов. Летчик заглушил мотор и прыгнул на землю. Он сделал несколько приседаний, держась за поясницу, и только потом подошел к спешившемуся Семену Михайловичу и на ломаном русском языке доложил, что он личный пилот генерала Врангеля и должен сообщить генералу Мамонтову, что в помощь ему из Новочеркасска идет конная дивизия. Дивизия будет здесь не сегодня-завтра.

— Спасибо за хорошую весть,— поблагодарил летчика Буденный.— А теперь давай знакомиться: я красный командарм Буденный.

Пилот недоверчиво покосился на улыбающихся кавалеристов и только сейчас заметил на папахах и фуражках красные звездочки. Он попятился к самолету, но его крепко ухватили сзади и быстро связали руки. Пилот возмущался, кричал, требовал чего-то на нерусском языке.

— А ну, товарищ Дундич, ты, говорят, мастер по-ихнему лопотать. Переведи-ка нам,— попросил командарм.

Дундич задал летчику несколько вопросов. На один из них тот ответил.

— Говорит, что он англичанин,— объяснил Дундич.— Он нейтральный летчик и мы не имеем права арестовать его и расстрелять.

— Ишь ты, нейтральный или тральный,— рассудил командарм,— раз служит нашим врагам, то мы с ним можем сделать все, что хотим. На вот карту, пусть он точно покажет, где дивизия, какой дорогой она идет.

Дундич сказал что-то летчику, и тот быстро начал бегать глазами по карте. Потом тяжело вздохнул и ответил по-русски:

— Нэт. Такой имя нэт эта карта.

Дундич расхохотался.

— Семен Михайлович, он еще хуже меня читает по-русски. Он же англичанин.

— Пусть назовет. Мы сами отыщем.

Летчик долго вспоминал. Потом почти по буквам сказал:

— Бутил... Нэт. Бутырлымофка.

Затем Буденный сказал, чтобы Дундич спросил у пленного: не хочет ли он воевать против буржуев? Летчик покачал головой и объяснил, что он не воюет ни за кого, он нейтральный. Тогда Буденный велел ему дать подписку, что он не будет больше воевать против Советской Республики. Летчик с готовностью достал из планшета бумагу и карандаш. Когда бумага была написана на русском и английском языках, Буденный передал ее начальнику

штаба, а англичанина велел посадить на дрожки и отвезти на станцию.

— А с примусом что будем делать?— спросили у Буденного бойцы, показывая на самолет.

— Отправьте тоже на станцию,— посоветовал командарм.— И передайте пехоте. Авиация нам нужна не меньше, чем Врангелю.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Когда Первая Конная армия была брошена на польский фронт, Дундич только что возвратился из госпиталя.

Встретив его, Буденный спросил, где теперь хочет служить Дундич: в полку или при штабе армии. Дундич попросился в свой старый полк.

— Жалко мне отпускать тебя,— огорчился Семен Михайлович,— но против твоей воли идти не могу.

Так Олеко вновь появился в тридцать шестом полку, с которым прошел трудный путь от донских хуторов до Воронежа, Донбасса, Ростова, Майкопа. Теперь этому полку предстояло освободить от белопольских захватчиков города и села Западной Украины. Дундич был назначен на прежнюю должность заместителя командира полка и возглавил разведку.

Дундич отлично понимал, что война с панской Польшей — последняя война молодой Советской Республики. Правда, в Крыму заперся белый барон Врангель, в лесах и степях Украины еще бродят недобитые банды националистов. Но все бойцы чувствовали и верили, что идут последние месяцы войны, скоро на большой земле от Тихого океана до Карпатских гор наступит мир.

И, чтобы приблизить этот праздник, Дундич не хотел сидеть ни одного дня без боев, без схваток с врагом.

Снова, как прежде, Олеко просился на самые опасные участки фронта, ходил в самые трудные разведки. Вместе с ним всегда были его верные, испытанные друзья: сербы, хорваты, русские, украинцы.

Вскоре после взятия красной кавалерией небольшого городка Новограда-Волынского армия двинулась на Ровно. Через несколько дней над городской ратушей взвился красный флаг. Но враги прилагали все усилия, чтобы выбить красных из Ровно. Они не жалели никаких сил, бросали в бой новые и новые полки улан и пехотинцев. Им удалось кое-где потеснить красных конников.

В это время в штаб дивизии поступило донесение, что на помощь осажденному замку князей Любомирских идет уланский полк. Находившийся в дивизии начальник штаба армии Степан Андреевич Зотов сказал, что надо сделать все, но не допустить соединения белополяков. Он предложил выдвинуть против улан целый полк. Но Дундич не согласился с ним и сказал, что в конце войны надо особенно беречь бойцов, да и среди поляков не все

буржуи и враги, там много обманутых рабочих и крестьян, с ними надо говорить, может, они поймут.

— Этот полк я беру на себя,— закончил свое слово Дундич.

Его стали уговаривать, чтобы он не рисковал собой. Но на все уговоры Олеко весело улыбался и замечал:

— Все будет в порядке. Ждите улан в гости...

Он велел ординарцу достать из походного гардероба мундир польского офицера, нацепить на него полковничьи погоны да побольше всяких царских орденов и медалей. Медсестра Гриппа выгладила мундир, подшила воротничок, нашла золотые галуны, прикрепила ордена и медали. Товарищи Дундича тоже нарядились в костюмы белопольского войска.

Лесными тропами обошли красные разведчики вражеские посты и очутились в тылу белополяков. Вышли на большую дорогу, стали поджидать улан. Ускакавший вперед Шпитальный через несколько минут вернулся и доложил, что за поворотом слышен конский топот.

— За мной,— приказал Дундич, давая шпоры коню.

Увидев перед собой небольшую группу всадников, поляки приняли их за свой патруль и поэтому спокойно пошли на сближение. Дундич поднял руку и на ломаном польском языке попросил полковника остановиться.

Он назвал себя давним другом семьи князя Любомирского, литовским бароном Сигисом Ламкаусом, а своих товарищей — остатком отряда, с которым он шел на выручку осажденному замку. Дундич рассказал полякам, что в полдень их атаковали крупные кавалерийские силы. Его отряд частью разбежался, частью попал в плен, а ему, барону, с личной охраной удалось уйти от преследования.

— Так они заняли имение?— спросил Дундича полковник.

— Думаю, что пока нет, пан полковник, но все подходы к замку перерезаны русскими.

— Тогда надо спешить, барон. Надеюсь, вы поедете с нами?

— Да,— не раздумывая ответил Дундич.— Только не этой дорогой. Мы должны обойти красных с фланга.

Обведя уланский полк мимо польских постов, Дундич привел его в расположение своих частей. Когда они проехали первые дворы притихшего села, Дундич заметил за забором, между деревьями, стволы пулеметов, винтовок и сказал полковнику:

— Ну вот мы и прибыли, пан полковник.

— Куда?— оглядываясь по сторонам, насторожился поляк.

— К Буденному,— ответил Дундич и наставил дуло маузера в грудь врага.— Прикажите своим сложить оружие, иначе вы все погибнете.

Полковник выполнил приказ красного командира.

Как только уланы были разоружены и под конвоем направлены в тыл, Дундич попросил разрешения со своим отрядом поехать к осажденному замку и сказать гарнизону, что помощь к ним не придет, Красная Армия наступает по всему фронту и осажденным лучше сдаться. Командир полка долго не соглашался, говорил, что завтра с утра начнется общее наступление и стоит ли сегодня рисковать. Но Дундич и на этот раз отвечал, что не надо в конце войны терять много бойцов, когда можно обойтись без крови, а что касается лично его, то он, Дундич, от вражеской пули заколдован...

На закате солнца Дундич с небольшим отрядом поскакал к имению князя Любомирского. Глубокой лощиной подошли красные к передовой линии противника. Поднявшись на гребень балки, Дундич в бинокль осмотрел позиции белополяков. На краю парка они установили пулеметы, вырыли траншеи. Дундич крикнул солдатам, чтобы те не ждали помощи, а сдавались в плен. На это предложение парк ответил гробовой тишиной. Это ободрило Дундича. Он решил, что поляки думают, как им поступить, и спустился к своему отряду в балку.

— Сейчас выскочим и с криком «Сдавайтесь!» помчимся прямо на пулеметы,— объяснил Дундич задачу бойцам.— Пока они опомнятся, мы их сомнем.

Мелькнула в воздухе шашка командира, приподнялся он на стременах и, крикнув: «За мной, товарищи!», стремительно понесся к парку.

Когда до вражеских позиций оставалось с полсотни метров, поляки опомнились и один пулемет дал короткую очередь. Зловеще прогремела она в вечерней тишине. Но красные конники, не обращая внимания на выстрелы, скакали вперед.

В это время конь Дундича на мгновение замер на месте. Скакавший рядом ординарец увидел, что Олеко выронил саблю, высоко запрокинул голову и упал на землю. Шпитальный спешился и наклонился над командиром. Лицо Дундича было неподвижно. Верх гимнастерки был темным от крови. Иван не хотел верить в гибель командира. Он приложил ухо к груди. Сердце Дундича не билось.

Иван вскочил, хотел крикнуть товарищам о великом горе. Но близко уже никого не было. Две лошади металась по полю, а трое всадников, отстреливаясь, уходили к лощине. Только сейчас заметил Иван непрерывные пулеметные вспышки, услышал шмелиный посвист пуль над головой, увидел поляков, бегущих к нему. Ординарец знал, что надеяться на подмогу нельзя, ее не будет: их полк остался в селе, за лесом.

Он вскочил в седло, выстрелил из карабина по нападающим врагам и галопом поскакал за своими. Он кричал, требовал, что-

бы они остановились. Но Шпитального никто не слышал. Неумолчно продолжали бить пулеметы, что-то тяжелое грохотало над головой. Уже несколько минут с неба лил крупный теплый дождь.

Догнав в балке своих, Шпитальный, глотая слезы, сообщил друзьям страшную весть. Сняв фуражки, конники молча смотрели в ту сторону, куда совсем недавно их вел Дундич и откуда он больше никогда не вернется.

— Скорее в полк,— сказал один всадник, надевая фуражку.

— Вы скачите,— ответил Шпитальный,— а я попробую вынести Ивана Антоновича.

Уже совсем стемнело, а дождь все лил и лил. Небо то и дело прорезалось ослепительными вспышками и, казалось, обрушивалось. Будто сама природа вместе со Шпитальным и его товарищами оплакивала тяжелую утрату.

Белополяки вели себя беспокойно. Как только темень разрывали сполохи молнии; они строчили из пулеметов. Иван долго полз к тому месту, где среди поникших ржаных колосьев оставил сраженного командира.

Дундич лежал, прижав левую руку к груди, а правую вытянув вперед, словно ища оброненную шашку. Но рядом не было ни шашки, ни коня...

Осторожно, будто боясь причинить боль, Шпитальный взвалил на себя мертвого командира и медленно пополз к балке. Только к рассвету добрался он до лощины, где на исходных позициях уже стояли буденовцы.

Красная конница, охватывая фланги белополяков, стремительно понеслась на княжеское имение. Бойцы беспощадно громили врага, мстя за гибель любимого командира.

А через день гроб с телом Дундича, установленный на легкой машине, медленно проплывал мимо застывших рядов конармейцев. На кумачовых и черных лентах зеленых венков золотом горели слова: «Отважному борцу», «Бесстрашному воину», «Красному Дундичу». Армия прощалась со своим любимцем. Троекратный залп салюта расколол голубое небо.

Дундича похоронили в парке, недалеко от того места, где вражеская пуля оборвала его короткую, но яркую жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое слово	5
Красный дьявол	9
Мишка	12
Подарок ВЦИК	14
Тайна комдива	17
Генеральская уха	20
Как нашли фельдшера	23
Ледоход	28
Духовой оркестр	31
История с бронепоездом	36
«Гром победы»	40
Трудная минута	45
Соляной обоз	48
Самолет	53
Последний бой	57

Владимир Максимович Богомолов
КРАСНЫЙ ДУНДИЧ

Для младшего школьного возраста

Печатается по изданию:
Имена из легенды. Петрозаводск: Карелия, 1974.

Редактор Э. Г. Растатурина. Художественный редактор Л. Н. Дегтярев. Технический редактор В. В. Буракова. Корректор Л. Т. Дмитриева

ИБ № 1855

Сдано в набор 15.07.87. Подписано в печать 24.12.87. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,72. Усл. кр.-отт. 11,63. Уч.-изд. л. 3,39. Тираж 200 000 экз. Зак. 2512. Изд. № 93. Цена 20 к.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Богомолов Владимир

Б74 Красный Дундич.— Петрозаводск: Карелия, 1988.— 62 с.:
илл.

ISBN 5—7545—0064—5

Рассказы о герое гражданской войны Олеко Дундиче

Б $\frac{4803010102-119}{M127(03)-88}$ 64—88

P2

20 коп.